
Глава 13

У Лу Чуаня сегодня был выходной. В чайной счетоводам полагалось всего три дня отдыха в месяц — условия куда более суровые, чем даже современная «шестидневка».

Во всей империи Великой Ань для чиновников был установлен порядок «сюньсюжи»: один день отдыха после десяти дней службы. Чайная придерживалась того же правила, хотя, будучи заведением сферы услуг, не могла закрываться в строгом соответствии с государственным календарем, а потому работники отдыхали по очереди в менее загруженные дни.

В свой редкий выходной он позволил себе немного понежиться в постели. Однако привычные биологические часы не дали долго наслаждаться бездельем — сон улетучился довольно быстро.

Полежав немного в тишине, Лу Чуань со вздохом сел и откинул одеяло. Пора было приниматься за утренние дела.

В прошлой жизни у него под рукой всегда были телефон или планшет, способные развлечь в любую минуту. Оказавшись же в Великой Ань, он надолго лишился привычных удовольствий и теперь остро нуждался в какой-нибудь «пище для ума».

Увы, реальность не спешила идти навстречу его желаниям.

Юноша отправился на кухню, промыл рис и, разведя огонь в печи, поставил вариться кашу. Пока завтрак готовился, он вышел во двор на пробежку.

Благодаря регулярным упражнениям его физическая форма заметно улучшилась: на животе уже начали проступать отчетливые линии мышц. Завершив бег, он сделал несколько подходов отжиманий и закрепил всё комплексом армейского рукопашного боя — на этом утренняя тренировка была окончена.

К тому времени каша уже упрела. Вместе с соленьями, которые прислал староста деревни через Чэнь Циншаня, получился простой, но сытный завтрак.

Овощи, посаженные недавно, уже дали дружные всходы. Пользуясь свободным временем, Лу Чуань решил заняться огородом сразу после еды.

Когда он сеял семена, то распределил их слишком густо, а для хорошего урожая растениям

требовалось пространство и питательная почва. Нужно было пересадить часть рассады на свободный участок, который он заранее очистил от сорняков. Теперь оставалось только вскопать землю.

Он мерно взмахивал мотыгой, разбивая плотные комья земли. Молодой человек стал гораздо крепче и выносливее: теперь тяжелая работа на поле не изматывала его так быстро, как в первые дни.

Пока он трудился в поте лица, у въезда в деревню показались несколько роскошных экипажей, груженных множеством подарочных коробок. Односельчане тут же принялись гадать: к кому это пожаловали такие богатые родственники?

Неподалеку от въезда в деревню росла огромная старая акация, которой, по слухам, было больше сотни лет. Под её густой и раскидистой кроной деревенские любили отдыхать и обмениваться новостями в прохладной тени.

Процессия остановилась прямо под деревом. Из первой кареты вышла дородная, нарядно одетая женщина средних лет. Весь её облик — от манеры держаться до ярких одежд — выдавал в ней профессиональную сваху.

— Добрые люди, подскажите, где здесь дом учёного Лу? — звонко спросила она.

Собравшиеся под деревом переглянулись. Оказалось, гости прибыли к Лу Чуаню.

Спустя мгновение вперед вышел один из старейшин:

— Позвольте узнать, кто вы и по какому делу ищите господина Лу?

Женщина кокетливо прикрыла рот шелковым платком и сладко улыбнулась:

— Я — сваха Ван из города. А зачем ищут сваху, как не за тем, чтобы сосватать молодца?

Все облегченно вздохнули: раз не за долгами или с проверкой, значит, беды не будет. Но следом пришло осознание.

Сваху Ван?

Свататься?

Эта женщина была знаменита на всю столицу. Она устраивала браки только в домах высокопоставленных чиновников и знати — слава о её успехах доходила даже до захудалой

деревни Хуаси.

Раз уж сама сваха Ван почтила их своим визитом, неужели невеста — дочь какого-то важного сановника?

«Повезло же нашему сюцаю», — пронеслось в головах сельчан.

Ей охотно указали дорогу:

— Ступайте прямо, тот самый большой дом и есть его жилище.

Родители Лу Чуаня были людьми справными, а потому их дом выделялся среди прочих построек в деревне своими размерами.

Огород примыкал к самому дому, так что хозяин заметил незваных гостей еще до того, как они успели постучать в ворота.

— Могу я узнать, кто вы и кого ищете? — громко спросил он, не отрываясь от работы.

Сваха Ван обернулась и увидела юношу в простом рабочем платье с закатанными рукавами и мотыгой в руках. Несмотря на крестьянский наряд, в его осанке чувствовалось благородство, а черты лица были на редкость правильными и привлекательными. Она сразу поняла: перед ней тот самый учёный Лу.

Подойдя ближе со своей свитой, гостя расплылась в улыбке:

— Вы ли будете господином Лу Чуанем?

Юноша в замешательстве кивнул. Он не знал этих людей, и их визит вызывал у него лишь недоумение.

— Я — столичная сваха Ван, — представилась она. — Дошли до меня слухи, что господин Лу юн и талантлив, вот и решила я предложить вам одну весьма заманчивую партию.

Женитьба?

Он ведь уже давал отказ старосте деревни!

Лу Чуаню совсем не хотелось связывать себя узами брака, но раз уж люди пришли к его порогу, выставлять их вон было бы верхом неблаговоспитанности. Прожив в деревне какое-то время, он усвоил местные порядки. Сваха — человек опасный: если обидишь её, она может

испортить репутацию не только одной семье, но и всей деревне.

Свахи постоянно обмениваются новостями между собой. Стоит одной получить от ворот поворот в каком-то месте, как она разнесет это по всей округе, и тогда ни одна порядочная женщина из этого ремесла больше не заглянет в деревню.

Поэтому он вежливо пригласил гостей в дом, твердо решив для себя, что найдет способ деликатно отказать.

Он был весь в поту после работы в поле, поэтому ему нужно было переодеться. По счастливой случайности в этот момент на шум прибежал староста деревни, и Лу Чуань попросил дядю Чэня присмотреть за гостями, пока он приводит себя в порядок.

Сам он не был любителем чая и обычно пил простую воду, но прежний владелец тела любил окружать себя атрибутами учености и держал дома запас заварки. Быстро переодевшись, Лу Чуань заварил чайник и вынес его в главную комнату.

Увидев хозяина, сваха Ван поспешно поднялась:

— Ох, господин Лу, к чему такие хлопоты! Полно вам, присаживайтесь, давайте лучше поговорим честь по чести.

Лу Чуань мягко улыбнулся и всё же настоял на том, чтобы собственноручно подать госте чашку. Налив чаю старосте, он наконец присел рядом.

— Госпожа Ван, боюсь, мне придется огорчить вас своим отказом. У меня пока нет намерений обзаводиться семьей.

Сваха Ван перебила его, не дав закончить:

— Господин Лу, не спешите с выводами! Вы ведь еще даже не знаете, от чьего имени я пришла. Быть может, вы сначала выслушаете меня, а уж потом решите?

Лу Чуань рассудил, что она права. Если он не даст ей выложить все карты на стол, она так просто не отступится.

— Что ж, тогда расскажите, из какой семьи эта девица? Только знайте: к женщинам я холоден, моё сердце лежит лишь к гээр.

Женщина залилась звонким смехом:

— Ох, какое совпадение! А я-то переживала, что дело не выгорит. Да это же союз, предначертанный небесами!

Лу Чуань нахмурился, не понимая её веселья:

— О чем это вы, госпожа Ван?

— О том, что сосватать я хочу вам именно гээр! Сами господа из поместья хоу Юннина обратили на вас свой взор!

«Поместье хоу Юннина?!»

«Они выбрали меня?»

Он застыл, сердце его пропустило удар. Он с трудом выдавил из себя вопрос:

— Вы сказали... поместье хоу Юннина?

Видя его замешательство, сваха Ван решила, что юноша просто не верит своим ушам, и повторила еще раз:

— Именно так. Сама госпожа хоу желает выдать за вас своего сына-гээр.

Лу Чуань не мог в это поверить. То, что еще вчера казалось несбыточной мечтой, вдруг обернулось реальностью. Неужели удача и впрямь свалилась на него прямо с неба? Неужели у него появился шанс быть вместе с тем, кто занял все его мысли?

«Это ведь не сон?!»

С трудом справляясь с волнением, он хрипло спросил:

— О котором из молодых господ идет речь?

— Полноте, господин Лу! — всплеснула руками сваха. — У хоу Юннина только один сын-гээр.

«Значит, это он! Это точно он!»

Лу Чуань перестал слышать всё остальное. Голос свахи доносился до него словно издали.

— Ему как раз исполнилось восемнадцать — идеальная пара для вас.

— Отец его — хоу второго ранга, старший брат — цаньцзян третьего ранга, а второй брат — чжихуши Командования пяти городских округов, в большом фаворе у Императора.

— А уж сам Нин-гээр... добродетелен, учтив, а красотой наделен такую, что глаз не отвести.

— Сами небеса благословили этот союз...

Лу Чуань долго сидел молча, не подавая признаков жизни. Сваха Ван занервничала, решив, что он недоволен, и староста поспешил вмешаться, чтобы сгладить неловкость:

— Не обессудьте, госпожа Ван, не обессудьте. Паренек Чуань отродясь не знался с такими важными особами. Как услышал про дом хоу, так и лишился дара речи от страха.

При этих словах староста чувствительно толкнул его локтем в бок. Тот вздрогнул, заметив многозначительный взгляд дяди Чэня, и мгновенно пришел в себя, лихорадочно соображая, о чем только что говорила сваха.

— Вы уверены? — еще раз уточнил Лу Чуань. — Вас действительно прислали из поместья хоу Юннина?

Сваха Ван с улыбкой подтвердила свои слова. Она понимала: для простого сельского парня новость о родстве с домом хоу — потрясение не из легких.

Лу Чуань изо всех сил старался подавить ликование. Приняв максимально невозмутимый вид, он продолжил беседу. С помощью старосты, который ловко направлял разговор в нужное русло, встреча закончилась ко всеобщему удовольствию.

Лу Чуань дал свое согласие на брак и договорился со свахой, что через три дня отправится в поместье хоу Юннина с официальным предложением.

Он не знал, почему выбор пал именно на него, но понимал одно: этот шанс упускать нельзя. Если он не ухватится за него сейчас, то будет корить себя до конца дней своих. Раньше у него не было и тени надежды, а теперь... только глупец прошел бы мимо такой возможности.

В империи Великой Ань существовал обычай банся чжосюй («хватать зятя из списка сдавших экзамены»), поэтому не считалось зазорным, если семья невесты или гээр сама проявляла инициативу в сватовстве. Главное, чтобы молодые люди не вступали в тайную переписку или свидания до свадьбы — тогда репутация оставалась безупречной, даже если сватовство заканчивалось ничем. По этой причине Се Мин не решался позволить Се Нину видаться с Лу Чуанем наедине, но мог открыто отправить сваху к его порогу. В столице подобные случаи не были редкостью.

Лу Чуань со всеми почестями проводил сваху Ван до ворот. Все привезенные подарки остались в доме.

В комнате остались только он и староста. Дядя Чэнь долго и пристально разглядывал юношу, так что Лу Чуаню стало не по себе. Наконец староста от души хлопнул его по плечу. Будь на месте нынешнего Лу Чуаня прежний чахлый учёный, он бы наверняка повалился на пол от такого удара. Но даже нынешний Лу Чуань, несмотря на все тренировки, пошатнулся и отступил на шаг.

— Ха-ха-ха! — громогласно расхохотался староста. — Ну и хитрец ты, парень! Я ведь недавно спрашивал тебя, не хочешь ли ты жениться, а ты мне всё твердил, что, мол, сначала надо на ноги встать, степень получить... А я-то, дурак, еще переживал за тебя, совесть меня мучила!

— А ты, оказывается, вон какую рыбу ждал! Дом хоу Юннина — это тебе не шутки. Да если ты даже столичные экзамены сдашь и цзиньши станешь, лучше партии вовек не найдешь!

Лу Чуань только и мог, что промолчать в ответ. Раз уж его уличили в хитрости, придется нести это бремя до конца. Юноша почтительно поклонился дяде Чэню:

— Вы знаете мою ситуацию. В доме я один, старших нет, совета спросить не у кого. Позвольте обременить вас хлопотами по моей свадьбе.

Староста принял поклон с достоинством:

— О чем речь, глупый ты малый! Конечно, помогу. Ты ведь в этих делах еще совсем зеленый, ничего не смыслишь. Позову твою тётушку, уж она-то тебя всему научит и подскажет, что к чему.

Они обсудили еще несколько формальностей, касающихся выкупа и предстоящего визита, после чего Дядя Чэнь ушёл.

Как только дверь за ним закрылась, Лу Чуань больше не мог сдерживать распиравший его восторг. Улыбка сама собой растянулась до ушей. Он огляделся вокруг, и даже его скромное жилище показалось ему в этот миг самым прекрасным местом на свете.

В своей прошлой жизни он был уже тридцатилетним мужчиной и считал себя человеком солидным и выдержанным. Но в этом юном теле восемнадцатилетнего парня в нём вдруг пробудилась та самая юношеская пылкость, заставляя сердце трепетать от предвкушения счастья.